Фролова Нина Викторовна, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ninavfrolova@mail.ru

СВОЯ КОЛЕЯ: ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МИР РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ А.А. ФЕТА

В статье рассматривается изображение хозяйственно-экономического мира русской усадьбы дореформенной и пореформенной России в воспоминаниях А.А. Фета. Анализ мемуаров позволяет глубже понять особенности хозяйственно-экономического уклада России и по достоинству оценить личность А.А. Фета-помещика, избегнув какой бы то ни было тенденциозности.

***Ключевые слова:** А.А. Фет, А.Н. Шеншин, воспоминания, Степановка, русская усадьба, хозяйственно-экономический уклад, вольнонаемный труд.*

Nina V. Frolova, Senior Lecturer at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ninavfrolova@mail.ru

ONE'S OWN PATH: THE ECONOMIC WORLD OF THE RUSSIAN MANOR IN A.A. FET'S RECOLLECTIONS

The article examines the depiction of the economic world of the Russian manor in pre- and post-reform Russia in A.A. Fet's recollections. The analysis of his memoirs gives us a deeper understanding of Russia's economic structure and allows us to do justice to the personality of A.A. Fet as a landlord avoiding any bias.

***Key words:** A.A. Fet, A.N. Shenshin, memoirs, Stepanovka, Russian manor, economic structure, civilian labor.*

Введение

Творческое наследие Фета многообразно: это поэтические произведения, воспоминания, публицистика, прозаические опыты, переводы зарубежных поэтов и философов, огромная переписка.

Наиболее известны и оценены по справедливости поэтические произведения Фета[1]. Время все расставило по своим местам, и Фет занял по праву принадлежащее ему место среди поэтов первого круга России. Этому способствовали работы таких российских поэтов, как А.Блок и В.Брюсов, исследования выдающегося литературоведа Б.Я. Бухштаба (1990), работа Г.П. Блока «Летопись жизни и творче-

ства Фета» (1985)[2], составленная в 30-е гг. XX в., к которой обращаются все серьезные исследователи творчества Фета. Готовится полное издание сочинений А.А. Фета[3].

Менее известны проза Фета, его эпистолярий, публицистика и мемуары. Однако исследования по этим направлениям активно ведутся. Прежде всего надо назвать работы Л.И. Черемисиновой[4] и Т.О. Земледельцевой[5]. Анализу публицистики Фета посвятили свои статьи В.А. Кошелев[6] и Г.Д. Асланова[7]. Большая заслуга в изучении творчества Фета принадлежит А.Е. Тархову, подготовившему к публикации мемуары Фета[8].

Воспоминания А.А. Фета состоят из двух книг: «Мои воспоминания. А. Фет. Ч. I-II», изданные при жизни автора в 1890 г., и «Ранние годы моей жизни», их Фет готовил позже, они вышли уже после смерти автора, в 1893 г.[9] Впоследствии обе книги были опубликованы с сокращениями под общим названием «Афанасий Фет. Воспоминания»[10].

Воспоминания – важный источник для изучения истории и культуры. Их важнейшая социальная функция состоит в способности сохранять память о прошлом. Они содержат бесценные свидетельства и подробности о жизненном укладе, быте и нравах прошлого. Очень часто эти факты описываются сквозь личное восприятие автора, который и является в них главным действующим лицом.

Современное изучение мемуаристики строится на историко-типологическом подходе. Этот метод позволяет вычленить из мемуаров не только ретроспективную (выраженную) информацию, но и так называемую синхронную (косвенную, ненамеренную), помогающую полнее и правдивее охарактеризовать и самого автора, и окружающую его обстановку, а часто и уйти от давно устоявшихся стереотипов. *Мы не ставим своей целью проанализировать идейно-политическую позицию Фета*. Наша задача – показать, каким в воспоминаниях Фета отразился хозяйственно-экономический мир дворянской усадьбы.

Мемуары Фета, на первый взгляд, носят камерный характер, автор не пытается как можно шире представить свою эпоху. Они, безусловно, нарративны. Подобно летописному рассказу, воспоминания Фета строятся по хронологическому принципу. Фет выступает как повествователь, стремящийся лишь правдиво воспроизвести события прошлого, он не претендует на их обобщение или переосмысление. Ему довольно констатации единичных фактов. Но этим

значение мемуаров Фета не исчерпывается. Исследователь его прозы Л.А Черемисинова справедливо отмечает, что «личная летопись А.А. Фета была частью литературно-общественной летописи России 40-х—начала 90-х годов XIX века»[11].

А.А. Фет прожил очень долгую жизнь и был свидетелем ухода старого экономического уклада России. Это важнейшее событие в жизни России не могло не отразиться в его воспоминаниях. Однако он являлся не просто наблюдателем, но и непосредственным «строителем» этого нового хозяйственно-экономического уклада.

Для нас в его воспоминаниях наибольший интерес представляют именно хозяйственно-экономические подробности. Самое большое место они занимают в так называемом Степановском периоде, много меньше – в Воробьевском, когда Фет в буквальном смысле слова собственными руками строил свои имения, но интересны также и воспоминания юности, которые позволяют сопоставить различные хозяйственные подробности «века нынешнего и века минувшего».

Хозяйственная философия рачительного помещика Афанасия Неофитовича Шеншина

Из воспоминаний мы узнаем о семье Фета, его воспитании и образовании, о начале поэтической деятельности. В них возникает патриархальный мир русской усадьбы со всеми ее хозяйственными подробностями, ритуалами, раз и навсегда установленными правилами.

В семье Шеншиных было пятеро детей: Афанасий, старшая дочь Любовь, младшая – Надежда, Василий и Петр. Еще двое детей – мальчик и девочка – умерли во младенчестве. Любовь вышла замуж за своего однофамильца А.Н. Шеншина[12], а Надежда за И.П. Борисова[13], человека недюжинного ума, состоявшего в переписке с И.С. Тургеневым и Л.Н. Толстым. Письма Борисова являются важным источником по изучению не только биографии Фета, но и общественно-литературной жизни 40–60-х годов. Именно через И.П. Борисова в 1853 г. Фет познакомился с И.С. Тургеневым, ставшим его другом. Отец Фета, Афанасий Неофитович, являлся опекуном Борисова, тот часто приезжал в имение Шеншиных Новоселки и был товарищем детства Афанасия Фета.

И.П. Борисов женился на Надежде – любимой сестре Фета. Судьба распорядилась так, что Фет стал опекуном Петра – сына

Борисова и Надежды, и Ольги – дочери брата Василия. Не имея своих детей, он стал главой семьи Шеншиных и заботился о племянниках, как о родных детях, на протяжении многих лет[14].

Очень подробно Фет описывает родовую усадьбу Шеншиных Новоселки Мценского уезда. Усадьба эта была далеко не роскошна, так как Шеншины относились к дворянам средней руки, частью не достроена, но пропитана духом дворянского гнезда, о котором Фет грезил впоследствии всю жизнь.

Как и многие помещики, Шеншины жили натуральным хозяйством. В воспоминаниях Фет пишет о том, что «за исключением свечей и говядины да небольшого количества бакалейных товаров, все, начиная с сукна, полотна и столового белья и кончая всевозможной съестной провизией, было или домашним производством, или сбором с крестьян» (Фет, 1983: 39). Даже клавикорды для сестры Любочки делал домашний мастер.

Рассказывая о патриархальном укладе усадьбы Шеншиных, Фет вспоминает своих бабушку и деда, многочисленных тетушек и кузин, гостей, приезжавших в Новоселки. Большой привязанностью мальчика пользовался дядя – Петр Неофитович Шеншин, старый холостяк, ставший крестным маленького Афанасия, он раньше других угадал и поддержал интерес племянника к поэзии.

Фет, вспоминая, что слуг в усадьбе было много, рассказывает, что отец сам выдавал им жалованье. Так, например, горничным, получавшим обувь, белье и домашнюю пестрядь на платье, выделяли, кроме того, «на подметки и каблучок» по полтиннику в год (Фет, 1983: 40).

В воспоминаниях много ярких бытовых сцен, изображающих дворовых людей – неотъемлемую часть любого дворянского дома. Это буфетчик и кондитер Павел Тимофеевич, попавший, по причине своей грамотности, в приказчики при продаже дубового леса, и Афанасий, «прекрасно ворковавший голубем» и ставший первым учителем грамоты для Фета. Немецкому языку его учила мать – Елизавета Петровна. Книг в доме почти не было, но выписывались «Московские ведомости» и «Вестник Европы». Тем не менее дети получили хорошее образование. Фет, как известно, закончил курс в Московском университете по историко-филологическому (словесному) отделению, Петр и Василий учились в Киевском университете. Любовь воспитывалась в Екатерининском институте в Петербурге, а Надежда – в Смольном.

Фет отмечает, что среди дворовых было довольно много людей мастеровитых и знавших грамоту, имелись и свои повара, проходившие выучку у поваров Яра и Английского клуба, а также у поваров известного гурмана Сергея Михайловича Голицына[15], и искусные портные, которых соседи «одалживали» по случаю торжественных событий. Впоследствии семьи Шеншиных, Борисовых и Фетов славились поварами, прошедшими выучку у поваров Шеншина (Афанасия Неофитовича Фета).

К 1820-м гг. XIX в. у образованных в плане сельского хозяйства помещиков сложилась своеобразная рациональная философия ведения хозяйства. Была она и у Афанасия Неофитовича. Отец Фета «неизменно держался правила: всякий крестьянин или дворовый по достижении сыном соответственных лет обязан был испросить позволения отдать его (сына) на обучение известному ремеслу, и бывший ученик обязан был принести барину на показ собственного изделия: овчину, рукавицы, подкову, полушубок или валенки, и только в случае одобрения работы отцу ученика дозволялось просить о женитьбе малого. Что же касается грамоты, то желающие отдавали мальчика попу» (Фет, 1983: 40–41). Как помещик Афанасий Неофитович Шеншин был очень строгим, но не жестоким. О пользе своих крестьян он пекся как о собственной. В подобном отношении к крестьянскому устройству Фет впоследствии, когда сам стал помещиком и мог судить на практике, видел причину благополучия отцовских крестьян.

В 30–40-х гг. XIX в. наметился повышенный интерес к успехам агрономии и новым земледельческим орудиям. За это время, кроме уже существовавших – Петербургского и Московского, возникло еще около двадцати различных сельскохозяйственных обществ (Шарков, 1909). Стало издаваться свыше десятка газет и журналов по отдельным отраслям сельского хозяйства. Новинки садоводства освещались в «Вестнике Императорского российского общества садоводства», в журналах «Плодоводство», «Промышленное садоводство и огородничество», «Сад и огород» и других.

На сельскохозяйственных выставках-ярмарках начали появляться многочисленные образцы не только зарубежных, но и отечественных усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, часто создаваемых самими крестьянами. Возникли первые заводы сельскохозяйственного машиностроения. Первый русский завод сельскохозяйственных машин и орудий в России принадлежал англичанину Христофору Вильсону и был известен уже с 1802 г., а в

1830 г. в России заработал крупнейший завод по изготовлению сельскохозяйственных машин братьев Бутеноп. К 1861 г. таких заводов насчитывалось уже 60 (Вторый, 2009). Многие помещики имели в усадьбах небольшие заводы, работавшие на собственном сырье, или выращивали домашний скот на продажу. Особой популярностью пользовались конные заводы, так как самым доступным и популярным транспортом был гужевой. Все эти факты свидетельствуют о неуклонном росте хозяйственно-экономического развития России.

В одном из имений Афанасия Неофитовича размещался конный завод[16], и отец Фета непременно посещал знаменитую Коренную ярмарку[17], проводившуюся ежегодно в Курске.

В России XIX в. существовали три крупных ярмарки: самая большая – Нижегородская, затем Коренная Курская и Ирбитская. Многие помещики съезжались на эти ярмарки, чтобы познакомиться с новейшими хозяйственными достижениями. Эпицентром Курской ярмарки считалась Конская ярмарка, куда приезжали любители, коннозаводчики и десятки ремонтеров[18] из всех гвардейских и армейских полков. Здесь находился ипподром, на котором за несколько дней до официального открытия ярмарочного торжища начинались конские торги. Табуны лошадей сюда сгонялись со всей Центральной России в количестве до 5 тысяч голов.

Вот как описывает свою поездку на эту ярмарку Фет: «Ехали же мы, конечно, на своих двумя экипажами: отец на шестерке гнедых в дормезе[19], куда поочередно брал меня и брата, а сзади на тройке вороных шел тарантас с посудой, поваром и лакеем; другой лакей помещался на козлах дормеза» (Фет, 1983: 245). Подобное устройство путешествия было достаточно обычным, оно стоило значительно дешевле, нежели ехать на казенных, т.е. почтовых лошадях и закупать припасы на месте. В дни проведения ярмарки все дорожало в несколько раз. А отец Фета – рачительный хозяин – денег зря не тратил.

Фет вспоминает, что по вечерам отец сидел за бухгалтерскими книгами, сводя счеты по имению. Пятна от чернил на руках Афанасий Неофитович называл своими мозолями.

Подобные «счетные» книги существовали и у хозяек дома. В них записывались всякий расход по дому, оброк, выполняемый крепостными девушками для домашних нужд, иногда кулинарные или медицинские рецепты, меню обедов и много других хозяйст-

венных подробностей. Некоторые хозяйки записывали туда и значительные события в жизни своей семьи, т.е. это были своеобразные домашние летописи. Однако Фет не упоминает о подобной расходной книге у своей матери, зато постоянно пишет о ее нездоровье и о том, что она редко вставала с постели. В подобных случаях – болезни или смерти хозяйки дома – ее роль исполняла какая-нибудь, чаще немолодая, родственница. В доме Шеншиных, может быть, ввиду особого положения Елизаветы Петровны[20], подобной помощницы не имелось. Была экономка-ключница из простых крестьян. Но хозяйку она, конечно, заменить не могла.

В целом, положение семьи могло бы быть достаточно обеспеченным: в ее владении было 300 душ и 2 200 десятин земли, 700 из которых находились в пользовании крестьян[21], что позволяло помещику иметь постоянный доход.

Однако имение было заложено и обременено казенными и частными процентами, так как в молодости отец Фета наделал карточных долгов, с которыми долгие годы расплачивался, перезакладывая имение. Но так жили многие помещики. Фет пишет, что долги были и у его зятя А.Н. Шеншина, «который долго не мог выпутаться из петли долгов, сделанных в первые годы женитьбы» (Фет, 1983: 371).

Заложив имение, помещики ежегодно выплачивали проценты, а если урожай плох и средств недоставало, перезакладывали имение вновь. С 1824 г. «Положение об открытии вновь займов из Государственного заемного банка» предусматривало выдачу ссуд на 8, 12 лет и 24 года. Ссуды на последние два срока предоставлялись из расчета 6% годовых и 2% в счет погашения ссуды. Ее размер устанавливался от 5 до 500 тысяч рублей в зависимости от количества заложенных ревизских душ. Под одну душу предоставлялось 150–200 рублей ассигнациями[22]. Но это «казенные» проценты, частные заимодавцы брали гораздо больше, и долги росли.

Хозяйство требовало постоянного присмотра и неусыпных забот. Уже офицером, в 1848 г., Фет, получив отпуск, посетил отца и вместе с ним другую отцовскую деревню – Грайвороновку, где, как уже говорилась ранее, у Афанасия Неофитовича находился небольшой конный завод. Афанасию Неофитовичу минуло в то время уже около 80-ти лет, но он зорко следил за всеми хозяйственными делами и верхом осматривал как собственные, так и крестьянские поля. Но денежные трудности не прекращались, и Фет пишет, что «отец за уплатою прежних опекунских залогов[23]

никогда не располагал большими деньгами и нередко брал взаймы у своих же мужиков по две тысячи рублей» (Фет, 1983: 245).

Конечно, на тот момент в усадьбе Шеншиных имелся управляющий, но грамотный, самостоятельный управляющий являлся большой редкостью, так как стоил дорого. В основном это были имеющие соответствующее образование иностранцы или русские, которым платили большое жалование. Обычно в роли управляющих-приказчиков выступали крестьяне, поэтому многие помещики, не надеясь на слуг, составляли своеобразные инструкции или наказы управляющим, где объяснялось, как правильно вести хозяйственные и полевые работы. Подобные инструкции появились уже в XVIII в.[24] В качестве примера можно привести помещичьи инструкции, опубликованные в трудах Вольного Экономического общества в рамках проводимого Конкурса на лучший наказ деревенскому управителю. Подробные публикации этих помещичьих инструкций принадлежат М.В. Довнар-Запольскому[25]. К середине XIX века наказы очень сократились в объеме и превратились в своеобразные памятки, посвященные какой-то одной стороне хозяйства. Чаще всего они были предназначены для заводских отраслей: коневодства, производства тканей, винокурения и т.д.

К первой половине XIX века появились новшества в ведении сельского хозяйства. Это и внесение удобрений, и использование новых орудий труда – литовской косы[26] и грабель, и покупка новых пород скота, и т.д. Все это, по воспоминаниям Фета, существовало у отца в Новоселках.

Покупка и обустройство Степановки

Многие «хозяйственные» впечатления детства повлияли в дальнейшем на Фета. Специально его хозяйственным премудростям не обучали, тем более что уже в 12-летнем возрасте его увезли из дома для получения образования[27]. Но пример отца, невольное наблюдение за его деятельностью сказались на будущих хозяйственных способностях Фета. Так, в первой части своих воспоминаний «Ранние годы моей жизни» он рассказывает о страсти отца к постройкам: Афанасий Неофитович беспрестанно что-то строил в Новоселках, отчего господская усадьба постепенно перемещалась вдаль от реки, поэтому возникла необходимость в дополнительном водоснабжении, и Афанасий Неофитович копал новые пру-

ды. Много времени и сил отец отдавал устройству плотины на реке Тим, которая пополнялась только снегами и дождями, а летом сильно мелела.

Впоследствии мы найдем перекличку с этими воспоминаниями, когда Фет будет обустраивать свое первое собственное имение – Степановку: здесь и перенос молотильного сарая, и строительство ледника, и обустройство пасеки, и рытье пруда, и копка колодцев. Правда, это произойдет в других условиях, когда надеяться на крестьян уже нельзя, а надо нанимать вольных работников. Все эти мероприятия впоследствии дали возможность Фету вывести формулу, сейчас мы бы сказали, создать концепцию своего хозяйства: «*При настоящем положении вольного хозяйства должно всеми мерами избегать сложных производств*»[28].

Пишет Фет и о письме отца, из которого четырнадцатилетний мальчик узнал, что он не Шеншин, а Фет: «Однажды отец без дальнейших объяснений написал мне, что отныне я должен именоваться Фетом, и письмо ко мне было адресовано Аф. Аф. Фету» (Фет, 1983: 121–122). Это письмо сделало Фета взрослым человеком, рано понявшим, что всего в жизни ему придется добиваться самому. С тех пор им владела лишь одна мысль – вернуть любыми путями имя Шеншина и звание дворянина. Одним из таких способов была деятельность помещика[29].

Женившись в 1856 году на М.П. Боткиной, Фет через некоторое время приобрел Степановку[30] – 200 десятин черноземной пахотной земли и недостроенную усадьбу, которую и усадьбой-то назвать было нельзя, – так, небольшой, мало приспособленный к жизни домик под соломенной крышей. Местоположение ее считалось неудачным. Помещичьи дома ставились обычно где-нибудь в низине, среди обширных владений, прилегающих к усадьбе, в окружении леса и сада. Строились дома из дуба и сосны, как правило, одноэтажные, тесноватые, но теплые, прочные, уютные.

Степановка не отвечала многим из этих требований. Во-первых, дом стоял на открытом месте, во-вторых, река находилась в 7 верстах, а дом внутри был совершенно не отделан. Щели были повсюду. Сада также не имелось.

По свидетельству современников, покупка Степановки была импульсивной, но впоследствии оказалась чрезвычайно важной для Фета. На полное обустройство Степановки по предварительным подсчетам было необходимо около 25–30 тысяч рублей. Да и земля достаточно дорога – 100 рублей за десятину. И.С. Тургенев в

письме назвал эту цену фабулозной[31]: средняя цена была 40 рублей, а где земля победнее – то и 30 рублей за десятину. Решающими аргументами оказались те, что земля не обременена никакими отношениями с крестьянами, почва плодородна, труд дешев и имение родственника, А.Н. Шеншина, рядом[32].

Фет признавался, что в момент покупки имел весьма смутное представление о сельском хозяйстве: «Попав прямо со школьной скамьи на коня во фронт, я всю жизнь не имел никакого понятия о ходе земледельческих занятий, но <...> я махнул рукой на земледельческую школу и решил приступить к делу в качестве слепца. <...> Я хотел, хотя на малом пространстве, сделать что-либо действительно дельное» (Жизнь Степановки, 2001: 60).

Однако он весьма трезво и практично рассматривает различные варианты покупок, учитывая и наличие леса, и состояние помещичьего дома, и хозяйственные постройки, проводя всему подробный расчет и делая вывод о *будущей доходности* имения: «Сколько же он (хутор[33]) может дать доходу? <...> Можно получить до 1 500 р. в год, то есть то же, что дает 25 тыс., капитал по 6%. Я не гонюсь за барышами, лишь бы убытку не было» (Жизнь Степановки, 2001: 62-63).

По тем временам подобный процент достаточно доходен. Выше упоминалось, что ссудный процент был 8%. А тут и собственный капитал обеспечен землей, и доход дает такой же, как в банке. В результате покупка земли – 200 десятин – встала ему в 20 тысяч рублей, еще 2,5 тысячи он заплатил за домик в семь комнат с отдельной кухней, скот, пасеку и хозяйственные постройки.

Надо сказать, что время для своего замысла Фет выбрал самое неподходящее, так как уже через год после покупки Степановки[34] были изменены, а практически обрушены, все более или менее известные Фету помещичьи права и обязанности, что не могло не сказаться на доходности имения. Поэтому И.С. Тургенев назвал эту «затею» Фета самоубийственной.

И ранее в большинстве своем бюджет поместного дворянства носил *расходный характер*. Расходы на содержание семьи, образование детей, налоги поглощали б**о**льшую часть дохода даже у среднепоместного дворянина. На усовершенствование хозяйства денег почти всегда не хватало. В случае пожара или неурожая помещик помогал собственным крестьянам. Если денег не было, помещик, как уже говорилась выше, либо закладывал имение, либо увеличивал крестьянские повинности.

После отмены крепостного права дворянское землевладение довольно быстро сокращалось, и начался процесс, который публицисты 1880–90-х гг. XIX в. назвали «дворянским оскудением». Реформа 1861 г. полностью переменила отношения помещика и крестьянина, и Фету пришлось строить их на основе уже вольнонаемного труда, так как купил он только землю и временнообязанных крестьян у него, в отличие от того же А.Н. Шеншина, не было. И тут весьма пригодились и педантизм Фета, и его трудолюбие, и житейская сметка.

Свое «строительство» Степановки Фет описывает в большой статье «Жизнь Степановки или лирическое хозяйство»[35], опубликованной в «Русском вестнике» под названием «Заметки о вольнонаемном труде»[36], а также в цикле очерков «Из деревни»[37].

В статье «Лирическое хозяйство в эпоху реформ» исследователь В.А. Кошелев (2001) указывает на несомненную *мемуарную* установку «Жизни Степановки...», подчеркнутую самим Фетом, который пишет не только о фактах, но и о своих соображениях и ощущениях. Отсюда *лирическое* начало, которое он хотел показать в первоначальном заглавии (там же: 8) и которое присутствует в воспоминаниях.

Хозяйственно-экономические взгляды Фета, изложенные в публицистических статьях, и, прежде всего, в «Жизни Степановки ...», впоследствии будут проступать как водяные знаки на страницах его воспоминаний, поэтому мы будем обращаться и к ним.

Практический опыт и теоретические принципы хозяйственной деятельности Афанасия Фета

В пореформенное двадцатилетие обозначились два пути эволюции аграрного строя России. Центрально-земледельческий район выбрал путь перестройки хозяйства с сохранением крупного помещичьего землевладения. А в степных районах Заволжья и Северного Кавказа, где большую часть составляли средние землевладельцы, стал вырисовываться другой путь — фермерский, предпринимательский, который впоследствии показал себя как наиболее успешный. Фермерский способ зависел от инициативы и участия хозяина, являвшегося центральной фигурой, своеобразным двигателем хозяйственного функционирования имения. Такая позиция целиком и полностью совпадала с мыслями Фета, который, опираясь на известный ему отцовский опыт, тоже считал, что в сельском хозяйстве

главной фигурой является хозяин, его инициатива и предприимчивость. По его мнению, истинными работниками на земле были именно средние землевладельцы, так как мелкие не могут позволить себе ни новой техники, ни наемного труда, а крупные – не привыкли этим заниматься. Поэтому в основу своей хозяйственной деятельности Фет положил фермерский принцип ведения хозяйства.

На этот путь Фета направила сама жизнь. По натуре он был практиком, человеком деятельным, педантом. Да и денег лишних не было. С недостаточностью средств Фету приходилось бороться всю жизнь. Эта же недостаточность сделала его *экономистом,* вынужденным считать каждую копейку. Он рассказывает о недобросовестности вольнонаемных рабочих, которые, получив задаток, часто либо просто исчезали, либо бросали работу недоделанной. Еще одна формула, которой научила его жизнь, гласила: «*Всякая законность, только и законность, что необходима, что без нее не пойдет само дело*» (Жизнь Степановки, 2001: 89).

Первая статья Фета «Заметки о вольнонаемном труде (авторское название «Жизнь Степановки..») почти не обратила на себя внимания. Но дальнейшие циклы очерков о положении русского крестьянства, получившие название «Из деревни», вызвали целый шквал неодобрительной критики, прежде всего со стороны М.Е. Салтыкова-Щедрина, обвинявшего Фета в жестокости и горьком сожалении об утраченном крепостном праве[38]. Вслед за Салтыковым-Щедриным на Фета обрушилось огромное количество обвинений в яром крепостничестве и ретроградстве. Исследователь прозы А.А. Фета Л.И. Черемисинова пишет, что «принципиальная фактографичность очерковой манеры «хозяйствующего лирика» дала повод для нападок на него со стороны представителей демократического лагеря, чему не помешало отсутствие анализа фетовской земледельческой программы. Представители демократического лагеря определили его политическую позицию как безусловно консервативную, а самого поэта представили «ярым крепостником», разведя в противоположные стороны в нем «Фета» и «Шеншина»»[39]. Не устоял даже близкий друг Фета И.С. Тургенев, назвав Фета закоренелым консерватором и поручиком старинного закала.

Однако внимательное прочтение воспоминаний и «Жизни Степановки...» показывает явную тенденциозность данных суждений. Правда была на стороне Фета.

«Жизнь Степановки...» состояла из 17 небольших главок, в каждой из которых анализировалась одна из сторон новой сельс-

кой жизни. Это такие, например, как, «Покупка», «Контракт», «Испольная десятина» и т.д. Автор, опираясь на факты и собственный практический опыт, пытался разобраться в положительных и отрицательных сторонах сельской жизни в современных условиях, а главное, во взаимоотношениях помещика и крестьянина, ставшего вольнонаемным рабочим, но не ушедшего от крестьянского менталитета и воспринявшего вольнонаемный труд как освобождение от всяких обязательств.

Безусловно, многим современникам была чужда попытка Фета посмотреть на ситуацию в сельском хозяйстве с противоположной стороны – со стороны помещика. Но разве это справедливо – учитывать только одну точку зрения? А ведь Фет проповедует определенное равенство между помещиком и крестьянином, и, прежде всего, равенство правовое и трудовое, хотя на самом деле, по мнению Фета, положение помещика было более уязвимым. В главке «Контракт» он четко прописывает все обязанности наемного рабочего, с улыбкой спрашивая при этом, «что стал бы он делать, если бы подписавший нарушил условия, а он подал бы на крестьянина в суд», и тут же отвечает, что «ничего не выиграл бы подобным выигрышем» (Жизнь Степановки, 2001: 91–93).

Фет постоянно говорит о *неприученности* мужиков к наемному труду, который они воспринимают как полную от него свободу, и, вследствие этого, об их недобросовестности. Но говорит он и о том, что надо защищать крестьян от их собственного невежества. Так, в уже упомянутой главке «Контракт» он приводит в качестве примера молодого работника Карпа, который ранее отдавал все заработанные деньги своему дяде и находился у того в полной, почти рабской зависимости, а, ссылаясь на подписанную «грамотку»-контракт, Фету удалось оградить Карпа от этой нечестности.

Фет считает, что *крестьяне не готовы к самостоятельной деятельности*: нет ни опыта, ни соответствующих знаний. В главке «Осенние хлопоты» он описывает поразившую его стройность и слаженность труда крестьян под руководством барщинных старост: «Это заведенный порядок, старинный порядок, которому надо подражать, несмотря на изменившиеся условия. <...> При вольном труде стройность еще впереди» (Жизнь Степановки, 2001: 76). По мнению Фета, главная беда русского крестьянина – леность и отсутствие дисциплины, конечно, это касается не всех, но большинства. *Существовавший порядок утрачен преждевременно*.

С самого начала хозяйственной деятельности Фет стал главной движущей силой всех начинаний, не передоверяя никому самых мельчайших подробностей обустройства своего хозяйства. Он уверен, что ежедневные хозяйственные мелочи и есть самое главное в хозяйстве. Без этих мелочей, без их правовой регуляции не создать порядка нового, невиданного в России вольнонаемного труда.

Деятельность Фета дала свои плоды. Уже через 3 года И.С. Тургенев из писем В.П. Боткина с удивлением узнает, что имение разрастается и хорошеет и туда начинают приезжать родственники. Трудясь в Степановке не покладая рук, Фет не прерывает и литературной деятельности. К поэтическому творчеству он практически не обращается, но подробно описывает свою хозяйственную деятельность в публицистических очерках, и, прежде всего, в «Жизни Степановки...».

Надо сказать, что и до Фета хозяйственно-экономические проблемы занимали многих писателей как, например, Пушкина. В литературном плане этот интерес проявляется у него в «Романе в письмах», где главный герой говорит о необходимости жить в деревне, так как забота об имении и крестьянах есть долг всякого порядочного дворянина. Хозяйственно-экономические взгляды Пушкина нашли развитие и в его рукописном наследии. Здесь нельзя не вспомнить статью Павла Щеголева – известного историка и автора многих работ о Пушкине – «Пушкин – экономист», опубликованную в газете «Известия» в 1930 г.

Анализу этой темы посвятил книгу «Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина» (Аникин, 1989) и статью в журнале «Коммерсантъ-Деньги» доктор экономических наук А.В. Аникин. О работе Щеголева он пишет: «Щеголев анализировал несомненно принадлежащие руке поэта краткие замечания на книгу декабриста Михаила Орлова «О государственном кредите», изданную в Москве в 1833 году, и был поражен здравомыслием суждений Пушкина. Щеголев отмечал, что Пушкин был близок к некоторым оценкам, содержащимся в рецензии на рукопись Орлова, которую дал самый крупный русский экономист того времени академик Андрей Шторх[40], рецензии которого, считает Щеголев, Пушкин прочитать не мог. Разумеется, заглавие статьи Щеголева «Пушкин – экономист» не надо понимать буквально. Ничто не было так чуждо поэту, как ученый педантизм»[41].

А.В. Аникин ссылается также на книгу «Дух русской экономической науки» (The Spirit of Russian Economics) – популярную

историю русской экономической мысли до 1917 г., опубликованную в 1945 г. в США на английском языке. Ее автор – русский эмигрант первой волны И.И. Левин, выступавший в данном случае под псевдонимом Дж. Ф. Нормано и имевший намерение посвятить отдельное исследование А.С. Пушкину. Такая работа, к сожалению, не появилась.

Фет же свою книгу «о сельской экономике» написал, причем именно в этой книге очень ярко проявилось чувство гармонии, свойственное Фету-поэту, и неизбывное творческое, лирическое начало. В одной из заметок он пишет о том, что нет ничего прекрасней гармонической стройности во всем, что происходит *правильно*. Но как сделать правильно в сельских работах – Фет не знал: «Самыми затруднительными были для меня специальные земледельческие работы касательно времени полевых работ и последовательности их приемов. На первое время Алекс. Никит.[42] справедливо советовал мне держаться крестьянского правила «как люди, так и мы», т.е. соображать свои действия с действиями соседей. <...> О своих первых попытках на ниве вольнонаемного труда я писал своевременно в «Русском вестнике» под заглавием «Из деревни»» (Фет, 1983: 374).

Хлопот по обустройству имения у Фета было несметное количество. Но потихоньку жизнь налаживалась, и уже летом приезжали И.С.Тургенев и Л.Н.Толстой[43] по дороге на охоту, тем же летом сестра Надя с мужем И.П. Борисовым приехала из Новоселок навестить брата, но зиму Феты провели в Москве, в доме Боткиных, где вновь окунулись в литературную среду.

Весной они вернулись в Степановку на постоянное житье. Постепенно Степановка становилась образцовым имением, и в этом была огромная заслуга Фета, постоянно входившего во все проблемы своего хозяйства. Степановка процветала, в ней уже в 1865 г., кроме мельницы, появился и конный завод, о чем с восторгом И.П. Борисов сообщал в письме к Тургеневу[44].

Несмотря на огромное количество дел в Степановке, довольно скоро, уже через 5 лет, Фет стал активным участником местной общественной жизни. Будучи владельцем Степановки, он имел подземельный ценз, позволявший ему баллотироваться в гласные[45], и вскоре был избран большинством голосов, а потом в июне 1867 г. стал мировым судьей и оставался в этой должности 10 лет. Этот факт тоже характерен для русского поместного дворянства. Будучи разобщенным по местам расселения, оно в большинстве своем всячески стремилось к активной общественной деятельности,

считая ее почетным долгом дворянина. Эта деятельность стала для Фета хорошей школой жизни: «С первых шагов я почувствовал громадную разницу между желательным и действительным», – пишет он (Фет, 1983: 402).

Известно, что с 1869 г., по совету И.С. Тургенева, писатель собирал и обрабатывал материал для книги «Записки судьи», отсылая готовые очерки на прочтение Тургеневу вплоть до 1874 г., когда отношения между литераторами были прерваны. Позднее Фет поместил часть «судейских очерков» в V главу второго тома мемуаров «Мои воспоминания»[46].

Разрастались посаженные вдоль дороги ветлы, колосились поля и множились стада. Образовался цветник перед домом. Процветал небольшой конный завод. И во все мелочи хозяин входил сам, считая это своей прямой обязанностью. Для сравнения можно привести следующую деталь: в имении А.К. Толстого, куда Фет с Борисовым отправились на охоту, он, с недоумением разглядывая копны сена, накопившиеся за несколько лет и гнившие под дождем, услышал от хозяина, графа А.К. Толстого, известного писателя, что тот хозяйством не занимается[47].

Хозяйственные заботы и семейные разочарования

Весной 1869 г. умерла младшая сестра Фета Надежда, а через два года умер ее муж И.П. Борисов. На попечении Фета остались малолетний сын Борисовых Петр и четырнадцатилетняя Оля Шеншина, опекуном которой после смерти ее отца Василия Шеншина был И.П. Борисов. По обычаям того времени Фет стал опекуном племянников и управляющим их имениями. Имения эти, вследствие долгой болезни Борисова, были расстроены, и Фет деятельно принялся наводить порядок. Поскольку земли прибавилось, он в 1871 г. взял себе в помощники в качестве управляющего весьма образованного человека И.А. Иоста – обрусевшего швейцарца, но, как обычно, принимал самое деятельное участие во всех хозяйственных начинаниях.

Петр поступил в университет, Ольга первоначально училась в пансионе мадам Эвениус[48] в Москве, затем Феты взяли ее в Степановку, наняли хорошую гувернантку, а чтобы она не росла в одиночестве, в дом приняли девочку Регину из немецкого почтенного, но бедного семейства. Гувернантка Оли мадемуазель Оберлендер была не только высокообразованным человеком, но и прекрасной пиа-

нисткой. Ее игрой восторгался Л.Н. Толстой, бывший тонким ценителем музыки. Навестив Фета в середине лета 1876 г., он переиграл с ней, по воспоминаниям Фета, в четыре руки почти всего Бетховена. «Знаете ли, – говорил мне граф, – что во время нашей юности подобные пианистки разъезжали по Европе и давали концерты. Она всякие ноты читает так же, как вы стихи, находя для каждого звука соответственное выражение», – вспоминал Фет (Фет, 1983: 441–442). Все расходы на содержание, образование и здоровье Оли Фет покрывал из ее доходов, приумножая при этом основное состояние племянницы.

Столь же рачительно он управлял и состоянием племянника Петра, не пожелавшего стать помещиком. Переехав в Воробьевку, Фет уже не мог самостоятельно присматривать за имениями племянника, что сказалось на их доходности. По взаимному решению имения Петра Борисова были проданы, а деньги положены в банк на его имя[49].

Не имея своих детей, Фет относился к племянникам очень нежно. Он с радостью пишет об отличных отметках Пети – студента университета, его заботит больной зуб Оленьки, и он спешно везет ее в Москву к врачу (Фет, 1983: 443). Когда настало время возвращаться в Степановку, Ольга попросила разрешения остаться в Москве на несколько дней, а еще через неделю Фет получил письмо, в котором Ольга писала, что хочет остаться в пансионе мадам Эвениус. Решение это было неожиданным и ничем не оправданным и глубоко огорчило всю семью, а больше всех – Фета. Он писал об этом очень лаконично, даже сухо, но за этими словами скрывалась глубокая душевная рана. Не препятствуя племяннице, Фет сложил с себя обязанности опекуна (Там же: 443).

Через несколько лет Ольга попросила у Фета прощения, была прощена, но тогда ее поступок глубоко ранил Фета[50]. С этого момента Степановка – его детище – стала глубоко ненавистна ему. Чтобы развеяться, он уезжает в отцовскую Грайвороновку, а по возвращении решает продать Степановку и купить новое имение. Может быть также, что Степановка – ныне процветающее доходное имение – была «тесна» деятельной натуре Фета, но, скорее всего, причиной продажи был поступок Ольги.

В 1877 г. Фет купил имение Воробьевку, и в 1878 г. Феты покинули Степановку. Покупка Воробьевки встала в 105 тысяч рублей. Судя по цене, Фет стал достаточно богатым человеком, достигнув всего собственным трудом.

Купив Воробьевку, Фет вновь обрел смысл жизни. Теперь это была уже настоящая барская усадьба с огромным парком из вековых дубов и каменным домом, с большим куском земли в 850 десятин. После внимательного осмотра Фет увидел, что усадьба весьма запущена, а дом нуждается в серьезном ремонте. И с прежним рвением принялся исправлять дело. Рассказывая о благоустройстве дома, Фет не забывает и о других хозяйственно-экономических сторонах, между делом отмечая, что «воробьевские поля состоят уже 30 лет в аренде у крестьян и поэтому исправны, но требуют внимания» (Фет, 1983: 446). Казалось бы, начался новый этап в его хозяйственных преобразованиях.

Однако, по сравнению со Степановкой, в Воробьевке трудовой энтузиазм Фета несколько поутих. Больше всего его теперь занимало не сельское хозяйство, которое он частично передоверил верному управляющему А.И. Иосту, а устройство кабинета, переводы Горация и подготовка к изданию сборника стихов «Вечерние огни». Вместе с тем Н.Н. Страхов сообщает в письме Л.Н. Толстому, что Фет в Воробьевке все так же радуется своему хозяйству и, указав на огромный стог сена, с шутливой интонацией называет этот стог бегемотом[51].

Обустроившись в Воробьевке, Фет с женой поехали в Крым. Несколько позже в Москве на Плющихе был куплен небольшой, но уютный и вместительный дом[52].

Вернувшись из крымского путешествия, Фет вновь занялся переводами Горация и текущими хозяйственными делами.

Юбилейные итоги

Свои воспоминания Фет заканчивает кратким упоминанием о юбилейных днях 28 и 29 января 1889 г., когда было отмечено 50-летие его творческой деятельности, ссылаясь на то, что «об этих днях говорено было в разных изданиях много» (Фет, 1983: 468).

Однако на самом деле говорено было не так уж много. Да и «умалчивание» Фета о своем юбилее весьма показательно. Ко времени юбилея он, казалось бы, получил полное официальное признание: в 1884 г. стал обладателем Пушкинской премии Императорской академии наук[53] за перевод сочинений Горация, в 1886 г. по совокупности трудов был избран ее членом-корреспондентом. Ранее, в 1873 г., по Высочайшему Указу Фету вернули дворянское звание и фамилию Шеншин. В 1889 г. он получил почетное при-

дворное звание камергера. Великий князь Константин Константинович объявил себя учеником Фета и посещал его дом на Плющихе для обсуждения поэтических опытов. Но литературная общественность повела себя весьма сдержанно, акцентируя внимание на *неизменности тем* в лирике Фета, на его *последовательно консервативной жизненной позиции*.

Юбилей Фета отмечался в Москве в течение двух дней: 28 января 1889 г. Фет принимал поздравления в своем доме на Плющихе, где был отслужен торжественный молебен, а 29 января состоялся торжественный обед в ресторане «Эрмитаж», организованный Московским психологическим обществом. Об этих торжествах писали «Московские ведомости» и «Исторический вестник»[54]. Полный отчет всех подробностей юбилея Фета собрал впоследствии Б.А. Садовский[55].

«В 1889 году, 28 и 29 января, был с большим торжеством празднован в Москве пятидесятилетний литературный юбилей Фета», – пишет Н.Н. Страхов в очерке «Афанасий Афанасьевич Фет»[56].

Эта торжественность понравилась далеко не всем. Очень резко отозвался о юбилее Фета Л.Н. Толстой в своих дневниках, В.А. Гольцев[57] и К.К. Арсеньев[58] писали в связи с юбилеем о творческом упадке Фета, а Н.В. Шелгунов[59] снова отправил поэзию Фета в разряд легких развлечений. Близкий знакомый Фета – критик и публицист Н.Н. Страхов поместил в «Новом времени» лишь небольшую заметку[60]. Цитируемый выше очерк был написан им только для посмертного издания сочинений Фета в 1901 г.

Может показаться, что к теме нашей статьи рассказ о юбилее А. Фета прямого отношения не имеет. Но это не так.

Юбилей еще раз подчеркнул *особенность*, т.е. обособленность и независимость Фета, *стоящего всегда вне всяких партий и лагерей и идущего своей дорогой*. И эту независимость ему не прощали ни друзья, ни враги.

Оказавшись по природе своего поэтического таланта на рубеже 1850-х – 1860-х «не ко времени», но осознавая важность и значительность перемен, предстоящих России в связи с отменой крепостного права, Фет попытался организовать образцовое хозяйство. Теоретические принципы нововведений Фета вырастали из практического опыта и активного, заинтересованного обсуждения на страницах русской печати вопросов, связанных с судьбами земледельческого сословия в стране. Он выбрал свою собственную

дорогу, трудную, неблагодарную, но столь важную и для него и, как ему думалось, для России.

Воспоминания А.А. Фета позволяют нам отдать должное силе его духа, преодолеть сложившиеся стереотипы в оценке роли поместного дворянства и фигуры помещика в хозяйственно-экономическом развитии России.

***

Великий русский поэт Фет – образцовый помещик Афанасий Шеншин – умер в 1892 г. Отпевали его 24 ноября в церкви Московского университета, а потом гроб был отвезен в село Клейменово Мценского уезда. Село Клейменово — родовое имение Шеншиных.

Примечания

---

[1] Ранее, с легкой руки М.Е. Салтыкова-Щедрина, о поэзии Фета писали в презрительно-ироническом тоне. См. напр.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 5. С. 41.

[2] Впервые опубликована в сб.: А.А. Фет. Традиции и проблемы изучения // сб. науч. трудов / редколл.: *Н.Н. Скатов* и др. Курск, 1985. С. 122–182.

[3] *Фет А.А.* Сочинения и письма: в 20 т. М.; СПб: Альянс-Архео, 2014. К настоящему времени вышло 5 томов. Издание является проектом ИРЛИ и Курского педагогического университета.

[4] *Черемисинова Л.И.* Проза А.А. Фета. Саратов: Изд-во СГУ, 2008.

[5] См.: *Земледельцева Т., Евгеньев С.Т.* Сюжетная проза и мемуары Фета: проблемы комментария. На материале повести «Дядюшка и двоюродный братец» // А. А. Фет и русская литература: XVII Фетовские чтения. Курск, 2003. С. 113-122 и др.

[6] *Афанасий Фет*. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство / втуп. ст., подгот. текста *В.А. Кошелева*; коммент. *В.А. Кошелева, С.В. Смирнова*. М.: Новое лит. обозрение, 2001.

[7] *Фет А.А.* Наши корни / подг. текстов и сост. *Г.Д. Аслановой*; коммент. *Г.Д. Аслановой* и *В.И. Щербакова*. Росток: Санкт-Петербург; содружество «Посев»: Москва. 2013.

[8] Книга «Афанасий Фет. Воспоминания», подготовленная к публикации А.Е. Тарховым, вышла в издательстве «Правда» в 1983 г. В дальнейшем, все ссылки будут даваться по этому изданию.

[9] Фет умер в 1892 г., не дожив 2-х дней до 72 лет.

[10] См. сноску 8.

[11] Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х годов // автореф. ... докт. дис. 2008 г. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

[12] Шеншин Александр Никитич (1814–1873) – орловский помещик.

[13] Борисов Иван Петрович (1832–1871) – орловский помещик, друг Фета, И.С. Тургенева и братьев Н.Н. и Л.Н. Толстых. С Толстыми Фет познакомился в конце 1850-х гг.

[14] Шеншина Ольга Васильевна, в замужестве Галахова, находилась на попечении Фета с 1871 по1877 г. Петра Борисова Фет опекал до конца его короткой жизни. Петр умер в 1888 г. в больнице Св. Николая в Петербурге.

[15] Князь Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) — яркая личность грибоедовской Москвы, владелец и устроитель усадеб Кузьминки и Гребнево, прозванный «последним московским вельможей».

[16] В имении Грайвороновка, полученном отцом Фета в наследство в 1838 г.

[17] Коренная Курская ярмарка была известна с 1708 г.

[18] Военный, занимающийся ремонтом, т.е. закупкой лошадей для армии.

[19] Дормез – большая карета для дальних поездок со спальными местами.

[20] Мать Фета Шарлотта Карловна Беккер, жившая с мужем в Германии, была увезена от мужа А.Н. Шеншиным в Россию. В Германии он обвенчался с ней по лютеранскому обряду. В России они 4 года прожили невенчанными. Шеншин узаконил свой брак с Шарлоттой Беккер только в 1826 г. после рождения старшей дочери. Именно тогда Шарлота крестилась и приняла в православии имя Елизаветы Петровны.

[21] В 1842 г. вышел «Указ об обязанных крестьянах». В нем предусматривалась возможность передачи помещиком крестьянам земли в арендное пользование, за что крестьяне обязывались выполнять предусмотренные законом повинности и подчиняться суду помещика.

[22] Банки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб. 1890–1907. Режим доступа: http://www.vehi.net/brokgauz/

[23] Обычно ссуды под залог имений помещики брали в Опекунском совете – государственном учреждении благотворительного ведомства императрицы Марии, кроме прочего ведавшем делами таких банковских учреждений, как Ссудная касса (выдача денежных ссуд под залог недвижимости). Средства, получаемые от этих ссуд, шли на поддержание многих благотворительных проектов.

[24] См., напр., *Болотов А.Т.* Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина // Труды ВЭО. 1770. XVI. С. 169–230.

[25] *Довнар-Запольский М.В.* Материалы для истории вотчинного управления в России. Положение для крестьян Ефремовской вотчины и деревни Варваровки князя Федора Николаевича Голицына // Университетские известия. 1910. № 11. С. 275–276 и др.

[26] В Прибалтике конструкция косы отличается от среднерусской тем, что имеет две ручки (стационарные, отнесённые на 20–25 см от рукоятки). Впоследствии эти косы стали называться литовками.

[27] С 14 лет Фет учился в пансионе Кюммеля в Верро (сейчас город Выру в Эстонии), затем в 17 лет был отвезен в Москву, где поступил в Московский университет.

[28] *Афанасий Фет.* Жизнь Степановки или лирическое хозяйство. Новое литературное обозрение. М., 2001. С. 82. В дальнейшем ссылки будут даваться по этому изданию.

[29] В 1873 году по Высочайшему Указу Фету вернули дворянское звание и фамилию Шеншин.

[30] В 1860 г.

[31] Т.е. фантастической.

[32] Имение А.Н. Шеншина Ивановское находилось в 7 верстах от Степановки.

[33] В данном случае, отдаленное от других жилых мест.

[34] В 1861 г.

[35] Редактор «Русского вестника» М.Н. Катков изменил название, данное Фетом. Впоследствии большая часть статей Фета о сельскохозяйственной экономике составила цикл «Из деревни». Согласно первоначальному замыслу автора, мы будем называть эту статью «Жизнь Степановки или лирическое хозяйство».

[36] Русский вестник. 1862. Т. 38. № 3.

[37] Из деревни. [1863]. Русский вестник. 1863. Т. 43. № 1; Из деревни. [1863]. Русский вестник. 1864. Т. 50. № 4; Из деревни. [1868]. Литературная библиотека. 1868. № 2; Из деревни. [1871]. Заря. 1864. № 6.

[38] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М., 1968. Т. 5. С.3 65–366.

[39] *Черемисинова Л.И.* Проза А.А. Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х годов // автореф. ... докт. дис. 2008. Новгородск. гос. ун-т имени Ярослава Мудрого.

[40] Шторх Андрей Карлович (1766–1835) – российский экономист, первый в России популяризатор идей Адама Смита, историк и библиограф, академик (1804), вице-президент Петербургской АН (1830). Шторх сформулировал закон земельной ренты, на который впоследствии опирался в своих исследованиях К.Маркс.

[41] *Аникин А.В.* «И был великий эконом..» // «Коммерсантъ Деньги». № 21 от 02.06.1999. С. 47. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/22865/print

[42] Шеншин Александр Никитич.

[43] И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой были в гостях у Фета 26–27 мая 1861 г.

[44] Письмо И.П. Борисова И.С. Тургеневу от 8 февраля 1865 г.

[45] В России до 1917 г.: выборный член городской думы или земского собрания (губернского и уездного).

[46] *Черемисинова Л.И.* Проза А.А. Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х годов // автореф. ... докт. дис. 2008. Новгородск. гос. ун-т имени Ярослава Мудрого.

[47] Летом 1869 г. А.А. Фет и И.П. Борисов по приглашению А.К. Толстого приехали на охоту в его имение Красный Рог Брянского уезда Орловской губернии.

[48] Эвениус Александра Ивановна (?–1868) – общественная деятельница и директриса одного из лучших пансионов для девочек в Москве. После ее смерти пансионом стала управлять Ш.Е. Эвениус.

[49] Петр Шеншин унаследовал душевный недуг матери – Надежды Афанасьевны и скончался в Петербурге в больнице Св. Николая в 1885 г.

[50] Исследователь В.А. Кошелев называет эту размолвку ничтожной, но, по моему мнению, это не так. Как уже говорилось выше, Фет относился к племянникам как к собственным детям, и неблагодарность Ольги должна была глубоко задеть его.

[51] Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб, 1914. С. 304.

[52] В 1881 г. по адресу: ул. Плющиха, д. 36. Не сохранился.

[53] Учреждена 17 августа 1881 года Императорской Петербургской академией наук. Вручалась каждые два года (в 1888–1895 годах — ежегодно) «за напечатанные на русском языке оригинальные произведения изящной словесности в прозе и поэзии». Премия присуждалась Отделением русского языка и словесности Академии наук. Первое присуждение премии состоялось в 1882 г., последнее — 6 декабря 1919. Была первой в России литературной премией, хотя ранее за труды в области словесности иногда вручались Демидовская, Ломоносовская и Уваровская премии.

[54] Московские ведомости. 1889 г., 29–30 января. Исторический вестник. 1889 г., № 3.

[55] *Садовский Б.А.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг.: [изд. авт.], 1916. Борис Александрович Садовской (наст. фам. *Садовский*, 1881–1952) – русский поэт, прозаик, критик и литературовед Серебряного века.

[56] Страхов Николай Николаевич – критик, философ и публицист был близким знакомым Фета. Биографический очерк написан им для первого посмертного издания Фета (Лирические стихотворения, Ч. 1–2, 1894), затем перепечатывался вместе с другими статьями Страхова о Фете в двух изданиях «А.А.Фет. Полное собрание стихотворений», издание т-ва А.Ф. Маркс, 1901 и 1912.

[57] Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – русский журналист, публицист и литературный критик; доцент Московского университета, редактор «Юридического вестника», «Русского курьера», сотрудник «Русских ведомостей», редактор «Русской мысли».

[58] Арсеньев Константин Константинович (1837–1919) – русский писатель, общественный и земский деятель, адвокат. С 1 марта1880 г. Арсеньев принял на себя ведение внутреннего обозрения и общественной хроники «Вестника Европы».

[59] Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) — русский публицист и литературный критик, на момент юбилея Фета сотрудник «Русской мысли».

[60] *Страхов Н.Н.* Юбилей поэзии Фета // Новое время. № 4640. 1889. 29 янв.

Библиография

Аникин А.В. Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. М.: Мысль.1989.

Афанасий Фет. Воспоминания. М., 1983.

Афанасий Фет. Жизнь Степановки или лирическое хозяйство // Новое литературное обозрение. М., 2001.

Блок Г.П. «Летопись жизни и творчества Фета» // А.А. Фет. Традиции и проблемы изучения / редкол.: *Н.Н. Скатов* и др. Курск, 1985. С.129–180.

Бухштаб Б.Я. Фет. Очерк жизни и творчества. Изд. 2-е. Л.: Наука. 1990.

Вторый В.Ф. Становление сельскохозяйственного машиностроения в России (XIX век) // Сб. науч. трудов ГНУ СЗНИИМЭСХ Россельхозакадемии. 2009. Вып. 81. Стр. 203–215.

Земледельцева Т., Евгеньев С.Т. Сюжетная проза и мемуары Фета: проблемы комментария. На материале повести «Дядюшка и двоюродный братец» (К постановке проблемы) // А.А. Фет и русская литература: матлы Всероссийск. науч. конф. «XVII Фетовские чтения» / под ред. *В.А. Кошелева, М.В. Строганова, Н.З. Коковиной*. Курск, 2003. С. 113–122.

Кошелев В.А. Лирическое хозяйство в эпоху реформ // Фет А. Жизнь Степановки или лирическое хозяйство // Новое литературное обозрение. М., 2001. С. 5–56.

Садовский Б.А. Ледоход: Статьи и заметки. Пг.: [изд. авт.], 1916.

Страхов Н.Н. А. А. Фет. Биографический очерк / *А. А. Фет*. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. / вступ. ст. *Н.Н. Страхова* и *Б.В. Никольского*. СПб: Изд-во т-ва А.Ф. Маркс, 1912. Т. 1. С. 3—11.

Тархов А.Е. Проза Фета-Шеншина / *Фет А.А.* Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. Проза / подгот. текста, сост., коммент. *А.Е. Тархова*. С. 363—458.

Черемисинова Л.И. Проза А. А. Фета. Саратов: Изд-во СГУ, 2008.

Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х годов // автореф. ... докт. дис. 2008. Новгородск. гос. ун-т имени Ярослава Мудрого.

Шарков В.В. Сельскохозяйственные общества. СПб,1909.

Notes

A.A. Fet. Traditsii i problemy izucheniya: Sb. nauch. tr. (1985) [A.A. Fet. Traditions and Research Problems. Collection of scientific papers (1985)]. Kursk.

Banki. [Banks (1890-1907)] In *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t.* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 vol.] Saint Petersburg. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/

Bolotov A.T. (1770) Nakaz prikazchiku, kakim obrazom eme pravit' derevnyami v nebytnost' svoego gospodina. [A Direction to the Estate Manager on How He Should Rule Villages in the Absence of His Master]. *Trudy VEO* XVI: 169–230.

Dovnar-Zapol'skiy M.V. (1910) Materialy dlya istorii votchinnogo upravleniya v Rossii. Polozhenie dlya krest'yan Efremovskoy votchiny i derevni Varvarovki knyazya Fedora Nikolaevicha Golitsyna [Materials for the History of Manorial Rule in Russia. Regulation for Peasants of the Efremovo Manor and Varvarovka Village by Prince Fedor Nikolaevich Golitsyn]. *Universitetskie izvestiya* 11: 275–276.

Fet A.A. (2013) *Nashi korni*. [Our Roots]. Rostok: Saint Petersburg; sodruzhestvo «Posev»: Moscow.

Fet A.A. (2014) *Sochineniya i pis'ma: v 20 t.* [Writings and Letters: in 20 vol.] Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ.

Istoricheskiy vestnik. 1889. №3. [Istoricheskiy Vestnik. 1889. № 3].

Kommersant Den'gi. №21 ot 02.06.1999. [Kommersant Dengi. №21 from 02.06.1999]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/22865/print.

Literaturnaya biblioteka. 1868. № 2. [Literary Library]. 1868. № 2.

Moskovskie vedomosti. 1889. 29–30 Jan. [Moskovskie Vedomosti. January 29–30, 1889].

Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym. [Correspondence Between L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov]. (1914). Saint Petersburg.

Russkiy vestnik. 1862. T. 38. № 3. [Russkiy Vestnik. 1862. Vol. 38. № 3].

Russkiy vestnik. 1863. T. 43. № 1. [Russkiy Vestnik. 1863. Vol. 43. № 1].

Russkiy vestnik. 1864. T. 50. № 4. [Russkiy Vestnik. 1864. Vol. 50. № 4].

Sadovskiy B.A. (1916) *Ledokhod: Stat'i i zametki.* [Ice Drift: Articles and Notes].

Saltykov-Shchedrin M. E. (1966). *Sobranie sochineniy v 20 t. T. 5.* [The Complete Works in 20 vol. Vol. 5] . Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.

Strakhov N.N. (1889) Yubiley poezii Feta [The Jubilee of Fet's Poetry]. *Novoe vremya* 4640. 29 Jan.

Zarya. 1864. №6. [Zarya. 1864. № 6].

References

Afanasiy Fet (1983). *Vospominaniya.* [Recollections]. Moscow.

Afanasiy Fet (2001) *Zhizn' Stepanovki, ili Liricheskoe khozyaystvo* [Life of Stepanovka, or Lyrical Economy]. Moscow: Novoe lit. Obozrenie Publ.

Anikin A.V. (1989) *Muza i mamona: sotsial'no-ekonomicheskie motivy u Pushkina* [The Muse and the Mammon: Social and Economic Motifs in Pushkin's Works]. Moscow: Mysl' Publ.

Blok G.P. (1985) «Letopis' zhizni i tvorchestva Feta» ["A Chronicle of Fet's Life and Work"] In *A.A. Fet. Traditsii i problemy izucheniya: Sb. nauch. tr.* (1985) [A.A. Fet. Traditions and Challenges of Studying. Collection of scientific articles]. Kursk. Pp. 129–180.

Bukhshtab B.Ya. (1990) *Fet. Ocherk zhizni i tvorchestva*. [Fet. An Essay on His Life and Work]. L.: Nauka. Publ.

Cheremisinova L.I. (2008) *Proza A.A. Feta*. [A.A. Fet's Prose]. Saratov: SGU Publ.

Cheremisinova L.I. (2008) *Proza A.A. Feta v istoriko-literaturnom kontekste 1850–1880-kh godov. Avtoreferat doktorskoy dissertatsii.* [F.F. Fet's Prose in the Historical and Literary Context of the 1850s-1880s. Abstract of Dr. philol. sci. diss.] Novgorodskiy Gosudarstvennyy Universitet imeni Yaroslava Mudrogo.

Koshelev V.A. (2001) Liricheskoe khozyaystvo v epokhu reform [Lyrical Economy Under Reforms] In Fet A. *Zhizn' Stepanovki, ili liricheskoe khozyaystvo*. [Life of Stepanovka, or Lyrical Economy]. Moscow: Novoe lit. Obozrenie Publ. Pp. 5–56.

Vtoryy V.F. (2009) Stanovlenie sel'skokhozyaystvennogo mashinostroeniya v Rossii (XIX vek) [Establishment of Agricultural Engineering in Russia (the 19th Century)]. *Sbornik nauchnykh trudov GNU SZNIIMESKh Rossel'khozakademii* 81: 203–215.

Sharkov V.V. (1909) *Sel'skokhozyaystvennye obshchestva*. [Agricultural Societies]. Saint Petersburg.

Strakhov N.N. (1912) A.A. Fet. Biograficheskiy ocherk [A.A. Fet. Biographical Essay] In. *A. Fet. Poln. sobr. stikhotvoreniy: V 2-kh t.* [F.F. Fet. The Complete Poems: in 2 vol.] Saint Petersburg: Izd-vo t-va A. F. Marks. T. 1. Pp. 3–11.

Tarkhov A. E. (1982) Proza Feta-Shenshina [Fet-Shenshin's Prose] In *Fet A.A. Sochineniya: V 2 t.* [Fet. A.A. Works: in 2 vol.] Moscow: Khudozh. Lit Publ. T. 2. Pp. 363–458.

Zemledel'tseva T., Evgen'ev S. T. Syuzhetnaya proza i memuary Feta: problemy kommentariya. Na materiale povesti «Dyadyushka i dvoyurodnyy bratets» [Fet's Narrative Prose and Memoirs: Challenges of Commenting. A Case Study of the Story "Uncle and Cousin Brother"] In *A.A. Fet i russkaya literatura: XVII Fetovskie chteniya*. [A.A. Fet and Russian Literature: the 17th Fet Readings]. Kursk. Pp. 113–122.

Поступила в редакцию
28.06.2017